

Кризис как фактор социального развития / С.Р. Аблеев, П.П. Марченя, А.А. Васечко, Н.В. Галанина, А.Л. Золкин, С.И. Кузьминская, Н.Ф. Медушевская, С.В. Михалев, В.В. Неганов, С.Ю. Разин, Н.В. Стрелкова, А.Г. Ткаченко, Т.Н. Фролова, Г.В. Шашурина, К.С. Щелоков; под ред. С.Р. Аблеева, П.П. Марченя. – М.: Соционет, 2016. – 21 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://users4496447.socionet.ru/files/crisis.pdf>

КРИЗИС КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Сост. и ред.: С.Р. Аблеев, П.П. Марченя

В октябре 2016 г. в рамках постоянно действующего при кафедре философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя научно-теоретического семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» и при участии научного проекта «Народ и власть» состоялся вневедомственный круглый стол на тему «Кризис как фактор социального развития: история и современность».

В центре внимания участников дискуссии, в которой приняли участие 15 ученых, находились проблемы осмысления места и роли социальных кризисов в прошлом и настоящем России и мира, в том числе в системе традиционных мировоззренческих координат отечественной культуры и философии и в современных условиях обострения идеологического и геополитического противостояния цивилизаций.

Ниже вниманию читателей журнала представлена сокращенная версия записи этой дискуссии.

Материалы подготовлены к публикации коллективом авторов кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (С.Р. Аблеев, начальник кафедры, доктор философских наук, доцент; А.А. Васечко, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук; Н.В. Галанина, доцент кафедры, кандидат философских наук; А.Л. Золкин, профессор кафедры, доктор философских наук, доцент; П.П. Марченя,

заместитель начальника кафедры, кандидат исторических наук, доцент (автор и редактор научного проекта «Народ и власть»); **Н.Ф. Медушевская**, профессор кафедры, доктор юридических наук, доцент; **С.В. Михалев**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **В.В. Неганов**, старший преподаватель кафедры, кандидат философских наук; **Н.В. Стрелкова**, заместитель начальника кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **А.Г. Ткаченко**, доцент кафедры, кандидат философских наук, доцент; **Т.Н. Фролова**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **Г.В. Шашурина**, доцент кафедры, кандидат социологических наук, доцент; **К.С. Щелоков**, преподаватель кафедры, кандидат юридических наук) с участием специалистов других вузов: **С.И. Кузьминская**, доцент центра лингвистики и профессиональной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат филологических наук; **С.Ю. Разин**, директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений (автор и координатор научного проекта «Народ и власть»).

П.П. Марченя. [Кризисы и Россия: кризисный ритм «Русского пути» как историческая и историософская проблема современного россиеведения]. Уважаемые коллеги! Тема сегодняшнего Стола, который мы проводим в рамках нашего традиционного семинара «Современная философия: актуальные идеи и тенденции» и при участии научного проекта «Народ и власть», является, без преувеличения, сверхактуальной и для России, и для всего мира. Это тем более так с учетом современного обострения идеологического и информационно-психологического противостояния цивилизаций и геополитических блоков – и все более заметного всеобщего ценностного кризиса, кризиса идентичности общества и человека.

При этом тема *кризиса, хаоса, «смутных времен»*, всевозможных *«переходных периодов»* и этапов *«великих перемен»* для России и россиеведения и вовсе является (была и, увы, остается) перманентно злободневной. Во всяком

случае, для отечественной истории такие события не являются чем-то редким или, тем более, исключительным, – напротив, они повторяются с «завидной» регулярностью. Некоторые исследователи даже полагают, что в этом и состоит чуть ли не главное наше отличие от остальных цивилизаций, в этом, дескать, и вся разгадка нашей «особости» и «самобытности». Да и отношение у нас к этому сформировалось «особое и самобытное». Если в Китае, к примеру, одна очень популярная, практически всем известная поговорка (которую и как проклятие часто используют) гласит: *«Лучше родиться собакой во времена покоя, чем человеком в период хаоса»* (ну, или, соответственно, страшное – для китайца: *«Да чтоб вы (ваши дети, внуки...) жили в эпоху перемен!..»*), то наш А.Ф. Тютчев, например, так выражает русское, прямо противоположное китайскому, видение этой же проблемы: *Блажен, кто посетил сей мир / В его минуты роковые! / Его призвали всеблагие / Как собеседника на пир. / Он их высоких зрелищ зритель, / Он в их совет допущен был – / И заживо, как небожитель, / Из чаши их бессмертье пил!..*

Как сформулировал другой отечественный пиит (А. Кривенко), и вообще: *«русского можно отличить от грека способностью войти в одну и ту же реку...»*. Можно вспомнить и строки из ставшего классикой нашего кинематографа фильма «Собачье сердце», где сводный хор домкомовцев под руководством Швондера напевает (на стихи Ю. Кима): *Суровые годы уходят / Борьбы за свободу страны; / За ними другие приходят, / Они будут тоже трудны...* Увы, эта песня у нас никак не устаревает. И, пожалуй, ею можно иллюстрировать так называемый «кризисный ритм российской истории» практически на любом ее отрезке...

Если без иронии, то объективная необходимость именно научного осмысления повторяющихся (рецидивирующих) социальных кризисов, представляющих реальную угрозу национальной (государственной и общественной) безопасности, выступает одним (возможно, самым главным) из основных вызовов для интеллектуального класса современной России. Поэтому

актуальность темы, которую мы сегодня решили обсудить, сложно переоценить.

И еще один важный, в преддверие нашей дискуссии, момент. Думаю, все согласятся с тем, что, для того чтобы по-настоящему понять, «узнать» человека, даже хорошо, казалось бы, знакомого, нужно увидеть его не в состоянии повседневно стабильном, а в ситуации реального жизненного кризиса, который только и способен обнажить обычно остающиеся потайными его подлинные экзистенциальные характеристики, «струны души», если хотите. Но ведь то же самое можно сказать и о целых народах, государствах и цивилизациях. Они тоже могут быть реально познаны лишь в тяжелые исторические времена испытаний, хаоса, потерь и перемен – в ситуациях настоящего кризиса, «на грани», что называется....

В таком контексте осмысление кризиса является одной из важнейших историософских проблем вообще. Без него понимание наций, культур, цивилизаций, их места в истории человечества – просто недостижимо. В частности, и Россия непостижима вне осмысления ее в «кризисе». Поэтому «кризис» является основополагающей проблемой проективного осмысления и, в известном смысле, выступает мерой понимания *России, Русской идеи, Русского пути, Русского мира...*

И, перед началом наших «прений», напоминаю, что для обсуждения на сегодняшнем Столе предлагается следующая примерная проблематика:

- *роль и место кризисов в жизни человека и общества;*
- *социальный кризис как предмет научного осмысления;*
- *кризисный ритм истории: причины и последствия;*
- *опасности и возможности критических периодов истории;*
- *мировой кризис и локальные кризисы: понятия и пределы;*
- *Россия и кризис: теория и практика российских системных кризисов;*
- *современный кризис в мировой и отечественной истории: тенденции и перспективы.*

Будем надеяться, что эта наша дискуссия окажется небесполезной...

С.Ю. Разин. [**«Смутоведение» и проект «Народ и власть»**]. Уважаемые коллеги, хочу поблагодарить за приглашение, и, «на правах гостя», сказать несколько слов в развитие уже сказанного. Мы, в соавторстве с П.П. Марченя, в рамках теоретических междисциплинарных поисков и дискуссий нашего научного проекта «Народ и власть», с самого начала исходили из того, что именно изучение кризисных явлений в развитии общества способно привести к пониманию особенностей «нашей» и «чужой» истории.

В том числе понимание природы и механизмов функционирования отечественной системы взаимодействия власти и общества становится достижимым в первую очередь при обращении к теме системных кризисов России – ее смут и революций. Мы даже попытались ввести в оборот термин «смутоведение» (в частности, в журнале «Россия и современный мир» в 2010 г. была опубликована большая обзорная статья, которая так и называлась: «Смутоведение» как “гордиев узел” россиеведения: От империи к смуте, от смуты к..?). Все круглые столы, семинары и сборники статей нашего проекта, так или иначе, посвящены проблеме социального кризиса в контексте постижения специфики взаимоотношений народа и власти России как социокультурной основы российской цивилизации (отсюда и название самого проекта – «Народ и власть»). И кстати, в 2016 г. готовится к изданию шестой выпуск (сборник научных статей и материалов круглых столов) проекта, который будет называться «Российская многопартийность и российские кризисы XX–XXI вв.».

Пользуясь случаем, рады пригласить коллег принять участие в этом сборнике и в других изданиях и мероприятиях нашего проекта.

С.И. Кузьминская. [**Кризис ценностных установок и ориентиров**]. Сегодня в российском социальном пространстве отчетливо прослеживается кризис ценностных ориентиров и установок. Нарастающая ориентация массового сознания на западную культурную картину мира приводит к тому, что нехарактерные для российской национальной культуры мировоззренческие установки (индивидуализм, эгоцентризм, утилитарный подход к жизни, личная

выгода) становятся частью национальной ментальности, вытесняя традиционные духовные ориентиры (труд, подвиг, жертвенность, коллективизм, справедливость и др.).

Деформация культурной картины мира начинает происходить уже с самого раннего детства. Под влиянием многочисленных продуктов западной массовой культуры, подрастающее поколение интенсивно впитывает псевдокультурные ценности и негативные ментальные интенции.

Так, например, следует отметить возрастающий интерес детей и подростков к так называемой инфернальной реальности. Это происходит вовсе не случайно, ведь героями популярных в молодежной среде блокбастеров становятся вампиры и всевозможные монстры. Таким образом, многие кинофильмы, мультсериалы, литературные произведения скрытно транслируют ложную идею о том, что моральная граница между добром и злом весьма условна. Что существуют «добрые вампиры» и монстры, самозабвенно сражающиеся за людей. Под влиянием подобной постиндустриальной мифологии в сознании подрастающего поколения происходит деформация моральных устоев, эстетических канонов прекрасного и безобразного, аксиологических ориентиров возвышенного и низменного устремления души.

Н.Ф. Медушевская. [Кризис как проблема идентичности]. В современном мире с его быстро меняющимися отношениями, с ускорением темпов социального развития, развитием постиндустриальной или, как сейчас говорят, информационной цивилизации самоидентификация человека все больше связывается с ростом его самостоятельности и ответственности в принятии решений, исходя из своих личностных программ поведения и руководствуясь свободой выбора, идеалами и целями. Самоидентификация человека осуществляется прежде всего в повседневной жизни, когда он обретает тождественность с самим собой, субстанциальную основу личности, через активизм и самовыражение. В настоящее время в России эта проблема особенно остро проявила себя в связи с неустойчивостью и разорванностью социального бытия, девальвацией традиционных ценностных

ориентиров, что вынуждает человека пересматривать разнообразные аспекты своей идентичности – аксиологический, культурно-исторический, профессиональный, статусный, образовательный, экономический, политический и т.д.

Самоидентификация индивида выражается через его Самость, термин широко используемый в философии постмодерна, истоки которого восходят к работам К.Г. Юнга и Дж. Мида. К Самости обращаются в целях возврата утраченной целостности Я-образа, который является посредствующим звеном между внутренним духовно-душевым миром человека и спектром обстоятельств, в которые погружается человек и стремится вырваться путем самодетерминации и обретения свободного личного выбора.

Человек становится идентичным самому себе путем самоактуализации и самоутверждения через личную свободу, которая есть, по выражению Э.В. Ильенкова, «результат трудной работы самого человеческого тела внутри телесного же мира – способность, которая и рождается и развивается только его собственной активностью». Поэтому процесс достижения свободы рождает у человека чувство собственного достоинства и самоценности личности, подчас перерастая в культ крайнего индивидуализма и эгоизма. Чем шире пространство распространения собственного влияния, тем свободнее чувствует себя индивид, тем больше гордости поднимается в его душе, тем откровеннее становится самолюбование достигнутыми успехами.

В.С. Соловьев отмечал, что особенностью человека является то, что он, как нравственное существо, обладает безусловным достоинством и безусловным правом на существование и свободное развитие своих творческих сил. Но для русского человека не свобода, а вольность оказывается адекватной формой выражения активности и своей самоидентификации. Кризис российской самоидентичности привел в XX в. к установлению авторитарного режима, легитимирующего произвол. Русский человек внутренне не свободен, отсюда его пассивность в социально-политической жизни. Ему привычнее жить в патерналистском обществе, в условиях организованного насилия, когда

гражданское общество формируется сверху и выполняет прямые указания власти. В обществе запретов, которым издавна было российское общество, не было условий для формирования правовой личности с цивилизованным пониманием свободы, а отчуждение личности от гражданско-политической жизни приводило к кризису самоидентичности и утрате своей Самости.

А.А. Васечко. [Кризис правовой культуры как вызов обществу].

К сожалению, сегодня можно однозначно сказать, что XX в. в истории России – это век глубокого духовного кризиса. Его развитие принято связывать с такими факторами, как снижение уровня экономического развития страны, рост социальной напряженности между различными группами населения, рост уровня преступности, утрата духовных ценностей и другими. В упадочном состоянии находятся религиозная, научная, идеологическая, правовая сферы. Правовое сознание, правовое воспитание и правовая культура находятся на довольно низком уровне, что обусловлено правовой безграмотностью населения, порой запутанным процессом правотворчества, а также несоответствием нормативно-правовых актов реальной действительности и как следствие правовым нигилизмом, отсутствием единой идеологии. Положение усугублялось мировыми, отечественными и гражданскими войнами, в которые периодически была вовлечена Россия.

Однако ошибочно связывать духовный кризис только с внутренними противоречиями внутри российского общества. В настоящее время можно говорить о проявлениях глобального кризиса, затрагивающего всю современную цивилизацию. Достаточно вспомнить явление фашизма, получившее широкое распространение в Европе и несшее отвратительную жестокость и разрушение общечеловеческих ценностей, – падение Запада было предсказано еще в начале XX в. О. Шпенглером. Ощутимо меняется внешнеполитический облик современных государств: идея примата международного права снова сменяется низменным принципом – «цель оправдывает средства». Вслед за О. Шпенглером и А. Тойнби, и многие другие

мыслители остро почувствовали угрозу новой мировой войны. Не является ли это следствием кризиса духовных и правовых ценностей?

Философский взгляд на уроки истории позволяет расценивать сложившуюся ситуацию как реакцию общества на *вызов*, посланный *свыше*, чтобы вывести его из состояния «застоя». Можно надеяться, что «закон Вызова-и-Ответа» и в этот раз сработает безотказно, что общество, утратив нечто жизненно важное, направит свою энергию на выработку свойств, возмещающих потерю, что, несомненно, положительно скажется на развитии и духовной, и правовой сферы в том числе. Лишь бы вызов не оказался слишком суровым... А в том, что он не слаб, приходится убеждаться ежедневно.

Н.В. Галанина. [Кризис в душе и обществе]. Соглашусь с предыдущим оратором: каждая кризисная волна рождает эпоху смуты и растерянности в мыслях и чувствах людей, является вызовом, в том числе и для их внутреннего, духовного мира. Начинается очередная переоценка былых ценностных позиций и ориентиров, не только ошибочных и опасных, но и тех, на которые можно – и нужно – опереться в зыбком кризисном состоянии. Некоторые нормы и принципы погибнут сами, так как несут в себе пустоту и разрушение, которые природа не терпит, а ценности творческие, истинные, созидающие, неразрывные с характером и душой народа, останутся жить и процветать.

Российские либерально-рыночные эксперименты в 1990-е гг. уже достаточно убедительно показали неэффективность и пагубность копирования моделей Запада в построении социума, политики и экономики в России. Западная цивилизация старается стереть все различия между людьми и общностями. Во всем мире и в нашей стране идут процессы стандартизации, слома национальных приоритетов, всемирного упрощения. Неизбежными следствиями подобной механизации жизни социума являются примитивизация личности, культуры, запросов. Характерные для нашего народа солидарные, общежительные отношения заменяются отношениями конфронтационными и хищническими. Уровень неравенства, существующего в современной России, –

противоестественен и несправедлив, что, опять же, не свойственно нашему менталитету общинности. Вместо приоритета труда и социальной солидарности на первый план выдвинулся культ успеха любой ценой, не ограничивающий себя какими-либо моральными рамками культ победителей и равнодушие к «неудачникам». Подобная кризисная ситуация в обществе вызывает кризис в душе и в сознании отдельной личности.

Н.В. Стрелкова. [Современный кризис как ценностный вызов]. Моя реплика – в продолжение выступлений коллег, о ценностном вызове обществу в целом и каждому отдельному человеку в частности, который бросает современная кризисная ситуация в России и мире. Вместо чувства единения и творения общего дела, чувства заинтересованности в результатах совместных усилий, она порождает всеобщее отчуждение, чувство бесполезности и безысходности (а значит, и отсутствие активной жизненной позиции во имя достижения общих целей).

Чтобы сохранить в себе и в своей стране творческий потенциал развития, достичь естественной гармонии экономического порядка и социальной справедливости, необходимо, чтобы общество базировалось на солидарных интересах, а не на социальных противоречиях. Самодостаточность, олицетворяющая полноту творческого, а не подражательного самосознания, протекционизм и здоровый национализм, любовь к своей Родине и народная гордость, – вот что приведет русский народ к примирению с самим собой, со своей историей, предками и потомками, частью которых мы являемся и представляем которых в настоящем. Мы одно целое, единый дышащий и живой организм, который преодолел уже не один кризис, – и мы можем и должны адекватно ответить на вызов, брошенный эгоизмом, утилитаризмом и бездушием.

С.В. Михалев. [Кризис, идентичность и гармония в жизни человека и общества]. Коллеги, у меня короткая реплика по поводу проблемы идентичности и самоидентификации человека в контексте того ценностного вызова, которым выступает всякий социальный кризис... Сама проблема

человека (происхождение, обоснованность его бытия и т.д.) – это ключевой вопрос современного общества, история которого, в свою очередь, представляется чередой попыток разрешения социальных противоречий (кризисов). В этих условиях высказываются мнения, что многие люди утратили свои жизненные ориентиры и надежды на лучшую жизнь. Постоянные и ставшие уже неизбежными кризисные ситуации привели к разным, подчас несовместимым линиям поведения людей. Более того, отсутствие отчетливых ценностей, образцов, норм, провозглашаемых через планы и программы самого общества, продуцирует психическую изменчивость индивидуума, его неидентичность, неподлинность, нетождественность самому себе.

И в этой связи необходимо особо подчеркнуть, что сама возможность индивида противостоять внешнему воздействию, которое оказывает на него социум, зависит прежде всего от его внутренней гармонии с самим собой.

В.В. Неганов. [Социальный кризис и нравственные ценности]. Соглашусь с тем, что всякий социальный кризис есть прежде всего ценностный, этический вызов – и что залогом достойного ответа на этот вызов служит нравственная гармония человека с собой, со своей совестью. Более того, представляется, что одним из главных оснований духовного и нравственного кризиса современности как раз и является утрата обществом устойчивых и безотносительных критериев нравственного поведения.

В традиционном обществе их роль играли религиозные ценности. В настоящее время осуществляется активная пропаганда потребительских идеалов. Эталоном успешности и недостижимыми кумирами считаются номинанты списка “Forbs”. На место прочных духовных принципов приходят их суррогаты-заменители. Однако материальные идеалы не способны в полной мере реализовать духовные потребности человека, что, в конечном счете, ведет к нравственной дезориентированности, внутреннему конфликту личности, перерастающему в те или иные кризисные явления всего общества.

Есть ли выход из этой ситуации? На мой взгляд, в качестве критерия нравственности поведения человека могут выступать традиционные

религиозные ценности. Для России таковыми являются ценности православия, что обусловлено многовековой религиозной, философской и культурной традицией.

А.Л. Золкин. [Глобальный кризис и проблема самобытности].

В дополнение к уже сказанному хотелось бы заметить, что сегодня следует различать политические и социосистемные кризисы.

Первые – порождены решениями элит, вторые – фундаментальными социотектоническими процессами. Некоторые кризисы решаются прагматически, некоторые – системно. Важно не перепутать, не устраивать революции там, где достаточно прагматизма, и не терпеть там, где требуются системные решения.

Российские «западники» всегда мыслили свою программу как стратегию присоединения к «цивилизованному» миру любой ценой во имя модернизации и развития. Условные «славянофилы» настаивали на дистанцировании от этого мира во имя стабильности. В результате, сложился промежуточный консенсус: надо присоединяться, но не любой ценой, а сохраняя самобытность. Причем это решение воспринималось как вполне справедливое и разумное, препятствуют же ему корыстные круги мировой элиты.

Индустриальная экономика нуждается в свободном пространстве. Она колониальна по своей сути, хотя присоединиться к «цивилизованному миру» можно, надеясь на то, что свободное пространство еще останется. Но сегодня такая возможность уже исчерпана. Проявлением современного кризиса служит сама глобализация как политика предельного снижения издержек через вовлечение в индустриальное производство / потребление последних остатков свободного экономического пространства.

А это значит, что кризис порождается не только прагматикой элит, но грядущим фазовым переходом. Фазовый барьер, как и любой острый системный кризис, характеризуется тем, что гомеостатические реакции систем оказываются направленными не на разрешение, но на развитие кризиса. Вместо инновационной активности растет инновационное сопротивление, вместо

борьбы за связность пространства технологий усугубляется пропасть между естественными и гуманитарными научными исследованиями. Вместо уникальности культивируются самые архаичные формы идентичности. Вместо поиска новой идеи развития повсеместно возрождаются старые религиозные культы.

Таким образом, задача состоит не в том, чтобы отстаивать свою «самобытную» цивилизацию, а в том, чтобы создать сверхцивилизацию.

А.Г. Ткаченко. [Идейные источники современного мирового кризиса]. Несколько слов об идейных, идеологических источниках современного мирового кризиса. Влияние идеологического фактора в этом контексте зачастую недооценивается. Это можно объяснить укорененностью в западном и российском сознании либеральной версии идеологии глобального прогресса. Теории глобального прогресса рассматривают мир как единое целое, развивающееся на основе универсальных (то есть одинаковых для всех стран и народов) закономерностей, среди которых определяющую роль играют закономерности экономические и научно-технический прогресс. Так как лидером экономического и научно-технологического прогресса в этих теориях признается Запад, то другие страны для того, чтобы его «догнать», должны модернизироваться, то есть воспринять западные формы организации социальной жизни и западные ценности. Экономический и технологический детерминизм в этом случае нередко связан с недооценкой роли духовной культуры в общественной жизни.

Модернизация как переход от традиционного общества к обществу современному (то есть западному) предполагает: создание основанной на частной собственности рыночной экономики; формирование на этой экономической основе индивидуалистически ориентированного гражданского общества как альтернативы корпоративно-сословной организации общества традиционного; демократизацию политической системы по западному образцу; насаждение в области духовной культуры либеральной индивидуалистической

идеологии, основной ценностью которой является свобода, понимаемая в контексте радикального либерализма как вседозволенность.

Модернизация становится в данном случае отрицанием *традиции*. Либеральные ценности здесь выступают как антипод ценностей традиционных: религиозных, семейных, национальных, государственно-патриотических. По мнению радикальных либералов, религиозные, семейные или гражданские обязанности ограничивают свободу индивида. С точки зрения глобального либерализма, нация как преемственно живущий организм со своими ценностями и культурой исчезает, национальное суверенное государство становится нецелесообразным, а индивид живет по принципу: «где хорошо, там и Отечество». Поэтому индивиду выгоднее мировое правительство, нежели национальное, а понятие суверенитета государства-нации становится главным препятствием глобализации. Таким образом, мы имеем дело с идеологией глобальной либерализации. Говорить в данном случае, например, о патриотизме не приходится.

Реализация на практике идеологии глобального либерализма приводит к разрушению транснациональными корпорациями и международными финансовыми институтами национальных экономик менее развитых стран, к стремлению установить новый униполярный мировой порядок, несовместимый с принципами демократии (под флагом которой все это проделывается) и игнорирующий нормы международного права. Это мировой порядок на основе доминирования в нем развитых западных стран во главе с США с опорой на военно-силовые методы решения политических проблем.

Идеальным средством установления подобного мирового порядка является стратегия *глобализации* как *американизации* и *вестернизации*. Основными ресурсами подобной стратегии являются мировая долларизированная финансово-спекулятивная система и система глобальной коммуникации, средств массовой информации, через которую осуществляется интенсивное насаждение западных ценностей с применением новейших информационных технологий. Национальные культуры разрушаются через

насаждение западной массовой культуры, насаждение индивидуализма и эгоизма под флагом либерализма.

Г.В. Шашурина. [К вопросу о кризисе образовательной системы].

Социальный кризис является уникальным явлением, каждый отдельный процесс имеет свои особенности и характерные черты, зависит от многих факторов, в том числе от времени, в которое он происходит.

Поскольку развитие современного общества напрямую зависит от состояния его образованности, то сегодня достаточно остро встает вопрос о кризисе образовательной системы, который имеет место во всем мире и в России в частности. Именно высшее образование является фундаментом для подготовки профессионалов-специалистов, развития инновационных процессов во всех сферах жизни, а потому важнейшим фактором развития самого общества в целом.

Кризис в системе образования в нашей стране назрел давно, но теоретическое его осмысление относится только ко второй половине XX в. Его суть состоит в том, что существующие образовательные системы серьезно отстают от постоянно меняющихся, растущих потребностей общества.

Наиболее острыми проблемами в этом плане являются: непрерывность образовательного процесса и необходимость постоянного совершенствования своего профессионального уровня; сочетание специального и гуманитарного образования; система подготовки профессорско-преподавательского состава; вопросы связи образования с последующей профессиональной деятельностью; ранняя профессиональная ориентация обучаемых; необходимость государственного регулирования подготовки специалистов по различным отраслям деятельности, так как сегодня наблюдается переизбыток в отдельных из них и хронический недостаток в других.

Каждая из названных проблем требует серьезного осмысления и скорейшего реагирования на них с целью наиболее оптимального их разрешения. Но без преодоления кризиса в образовании невозможно представить преодоление социального кризиса в целом.

С.Р. Аблеев. [Нарастающий кризис технотронного пути развития цивилизации, проблемы техносферы и подавление сознания техносферой].

Уважаемые коллеги, соглашаясь со многими предыдущими ораторами, мне все же хотелось бы взглянуть на поставленные проблемы более широко – и обратить внимание, что современный кризис представляет собой глобальное *экзистенциальное явление*. Экономические, политические или правовые проблемы являются лишь определенными гранями более масштабного кризиса старой модели развития земной цивилизации. Существенным элементом этой модели была и остается *техносфера*, которая по мере своего развития становится все более противоречивой и недружественной человеку. Однако человек начинает любить технику больше, чем близкого человека или далекого Бога.

Посмотрите, в современном обществе все стремительнее нарастает восхищение, и даже поклонение технике. Простодушный обыватель нетерпеливо ожидает появления нового «супер-кроссовера» или «продвинутого смартфона», которые (как бессознательно кажется) заполнят духовный вакуум его сознания, а также решат все его физические и социальные проблемы.

Впервые человечество столкнулось не просто с интенсивным развитием техники, но с совершенно новым кризисным явлением – подавлением человеческого сознания элементами техносферы. В результате уже в XX столетии появляется прямое и открытое теоретическое обоснование *технотронного пути* развития цивилизации в *идеологии техницизма*. Смысл ее весьма прост: нас убеждают, что только технический прогресс позволит решить все насущные проблемы человечества. Таким образом, стратегическая линия развития цивилизации, по мнению техницистов и сциентистов, – это не духовная эволюция Сознания, а совершенствование порожденной им Машины.

Наш главный контраргумент против идеологии техницизма состоит в том, что духовные проблемы внутреннего мира человека, а также экзистенциальные проблемы человеческих взаимоотношений в обществе техническими средствами не решаются. Они находятся совершенно в других

плоскостях – психологической и моральной. Каким образом смартфон или компьютер поможет страдающему человеку обрести утерянный смысл существования в безжалостном и несправедливом мире? Что принципиально изменится, если воры откажутся от тривиальных квартирных краж, и будут технологически прогрессивно, с помощью Интернета, снимать деньги с вашего электронного счета? Такова противоречивая диалектика научно-технического прогресса, который не устраняет проблемы человека и общества, а только трансформирует их состояние.

Оказывается, что в реальной жизни все происходит как раз наоборот, вовсе не так, как представляют себе проповедники нового *технокульта*. На фоне стремительного развития техники человек физически слабеет, теряет психологическую устойчивость, впадает в депрессии, морально и интеллектуально деградирует. Суицидальные настроения уже становятся массовыми, а услужливые социальные сети подсказывают несчастным, как лучше свести счеты с жизнью. Такова новая реальность, с которой сталкиваются наши дети и внуки!

Либеральное технологическое общество всеобщего потребления лишает человека даже заложенного Природой инстинкта саморазмножения. Это происходит через психические вирусы *сексуального извращения* (гомосексуализма) и *социального эгоизма*. Если мы позволим этим вирусам распространиться по всей планете, земная цивилизация совсем скоро войдет в состояние катастрофического коллапса – в духовном, экономическом и демографическом смыслах.

Так в чем же состоит основная проблема современной технологической цивилизации, подчиняющей себе плоть и дух земного человечества? Прежде всего, в том, что цивилизация уклоняется от нормальной (нотетической) траектории эволюции разумной жизни. Своим крайним гедонизмом, ужасной безответственностью и беспредельным потребительством она вызывает деградацию Сознания и утверждает Машину вместо духовного разума. Эта

цивилизация стремится к ложным целям и использует для их достижения ложные средства, что, в конечном счете, ведет ее к глобальному кризису.

Альтернативный путь развития земной цивилизации предполагает *ноосферные цели* и приоритетное *совершенствование человека*. Когда мы говорим о совершенствовании, то в первую очередь подразумеваем развитие духовного сознания человека во всем многообразии его эволюционно значимых качеств (этические принципы, рациональные и иррациональные познавательные способности, творчество, самодисциплина, эстетическое мировосприятие, гармония сосуществования человека с человеком и человека с природой).

Западная цивилизация входит в состояние очевидного кризиса и тащит за собой весь остальной мир, как сошедший с рельсов паровоз прицепные вагоны. Американские аналитики говорят, что это экономический кризис, который можно устранить финансовыми и промышленными средствами. Но на самом деле это *кризис стратегии развития цивилизации*. Монетарная терапия лечения этой болезни напоминает лечение наркомана наркотиками: сегодня они помогут снять ему «ломку», но через неделю или немного позже они приведут его к неизбежной смерти. Поэтому уже сейчас необходима коррекция эволюционной цели и экзистенциальной стратегии развития земной цивилизации.

Что же представляет собой альтернативный технотронному, то есть *ноосферный путь* развития человеческой цивилизации? Прежде всего, в качестве основной цели он предполагает всестороннее *совершенствование духовной сущности человека*, которую составляет его сознание. Эволюция сознания – это духовный процесс, развивающийся исключительно в психоментальном пространстве личности и культурном пространстве общества, к которому физическое и виртуальное пространства техносферы не имеют никакого отношения. Техническая инфраструктура помогает человеку как несовершенному физическому виду жизни выживать в условиях внешней природной среды. Но развитие такой инфраструктуры не делает вид Ното

Sapiens более совершенным и жизнеспособным. В этом и состоит основной парадокс технотронной эволюции, который надо понять и преодолеть.

Т.Н. Фролова. [Конфликт как атрибут социальной жизни]. Проблема социального кризиса неразрывно связана с проблемами социальной стабильности и социальных конфликтов. Очевидно, что проблема стабильности в обществе представляет интерес не только для научного сообщества. Устойчивость социально-экономической и политической жизни, упрочение современного российского общества – необходимые условия выживания государства в современном мире.

Неизбежно возникают вопросы: что представляет собой конфликт в данных условиях, каковы его функции, тождественны ли стабильность общества и неизменность социальных систем, структур, устоев?

Проблема стабильности-нестабильности общества и государства в разные времена исследовалась многими учеными и практиками. Еще Платон ставил проблему сосуществования двух противоположных сил в обществе (а значит стабильности функционирования) так: «Каково бы ни было государство, в нем всегда есть два государства, враждебных друг другу: одно государство бедных, другое – богатых». При нарушении стабильности обе силы проигрывают в развитии.

Значительное место теоретическому исследованию проблем стабильности общества и государства отводили непопулярные сегодня классики марксизма, считавшие, что в антагонистическом обществе не может быть стабильности и неизбежен взрыв, то есть социальная революция.

Сторонники бесконфликтной модели развития в середине XX в. рассматривали общество как целостное образование. Равновесие в функционировании его отдельных частей и элементов обуславливает гармоничное взаимодействие социальных институтов, чем и обеспечивают механизм бесконфликтного и стабильного развития общества. Конфликт рассматривался как случайность и аномалия, бесконфликтность – как норма,

закон, стимулирующий социальное развитие. Сегодня также можно встретить взгляд на конфликт как на аномалию или частный аспект социальной жизни.

Однако большинство социологов признают, что конфликты несут не только негативную, но и положительную нагрузку, например, в ситуации, когда конфликт выступает источником инноваций и социальных перемен; когда конфликты не позволяют обществу стагнировать, создавая тем самым социальное напряжение, требующее урегулирования.

Такие, например, представители конфликтологии как Р. Дарендорф и Л. Козер рассматривали конфликт как норму социальной жизни, как естественное свойство общественных отношений. Неизбежность конфликта, по мнению ученых, является следствием неудовлетворения потребностей различных социальных групп в распределении власти, богатства, статуса и т.д.

Представители конфликтной концепции справедливо считают, что для понимания природы конфликтов необходимо выяснить природу социальных интересов и потребностей. Конфликт, по их мнению, является одним из видов социального взаимодействия людей, больших и малых групп. Он охватывает все сферы жизнедеятельности, всю совокупность социальных отношений. Так вскрываются общие причины конфликтов и пути их разрешения.

В отечественной науке проблемы стабильности исследуются в рамках системного подхода. В синергетической концепции общество исследуется как сложная самоорганизующаяся неравновесная система открытого типа, стабильность которой обеспечивается совокупностью внутренних поддерживающих механизмов. Самоорганизация рассматривается как антиэнтропийный механизм, адаптирующий общество к внешним и внутренним изменениям.

Таким образом, большей частью, конфликт и связанные с ним явления социальной нестабильности рассматриваются как объективное проявление общественного развития. Всякое общество есть система конфликтующих групп. Причиной противоборства являются властные отношения, господство одних над другими. Функции конфликта можно дифференцировать как на

деструктивные, носящие разрушительный характер, так и на положительные, конструктивные. Конфликт – не только атрибут, но и источник позитивных изменений общества.

К.С. Щелоков. [Кризис как возможность нового и надежда на лучшее]. В заключение, и в развитие предыдущего выступления, хотелось бы кратко отметить несколько тезисов.

Возможно, то, что является (считается) кризисом, на самом деле представляет собой болезненную реакцию консервативного сознания на скачкообразно меняющуюся динамику общественных отношений.

«Большое видится на расстоянии». Кризис – это поворот от одного содержания к другому, точнее – это пора, период переходного состояния, в свою очередь состоящий из нескольких этапов, которые характеризуются специфическими противоречиями. Оценить общий итог можно лишь на некотором «историческом отдалении».

Так, кризис традиционных ценностей и системы управления в эпоху Нового времени казался современникам предвестником Апокалипсиса. На смену господства феодальных отношений, аристократических привилегий и вассалитета пришли ценности формального равенства и верховенства закона. Однако путь, который пришлось пройти, был весьма далек от плавного и позитивного эволюционного развития и сопровождался зачастую трагическими событиями. Сейчас же мало у кого возникнут сомнения, что этот путь был оправданным.

Интересно, что в китайском языке слово кризис («вэй-цзи») состоит из двух иероглифов: один означает опасность, другой – возможность... Иными словами, кризис – в отличие от катастрофы – это некое новое начало, виток развития, сопровождающийся болезненным перерождением, но и дающий надежды на лучшее...